

Задание по литературе

1. Прочитать пьесу «Гроза»
2. Биография – к прочтению. Основные вехи жизни зафиксировать в тетрадь
3. Задание в конце биографии выполнить письменно в тетради.

Обращаю ваше внимание, что за выполнение каждого пункта задания ставится отдельная оценка. Кроме пункта 3.

Тема 2.1.А.Н. Островский Жизнь и творчество

А.Н. Островский (1823 – 1886). Биографический очерк

Островский, в отличие от наших более ранних драматургов, не просто написал одну-две пьесы, а создал *русский репертуар*. Перебираем наши пьесы, напоминаем, что «Горе от ума» разрешили ставить полностью аж только в 1876 году. А театрал любил ходить в театр в неделю несколько раз. И что он смотрел? Переводные водевили или трагедии, балет, оперу... Своего почти ничего не было. Переводы или переделки.

Семья и детство.

Островские по отцу костромичи и духовенство. Дед А.Н. был схимником в московском Донском монастыре (Феодот или Феодорит); внука к нему возили по праздникам. Мать тоже росла при храме (бабка пекла просфоры и называлась просвирня). Пушкин отметил, что у московских просвирен на редкость живой и вкусный язык. И у Островского одна из самых сильных сторон – звучание живой речи его персонажей (а то услышишь случайно, как в сериале говорят казенно-письменными фразами, – сразу тошно делается). Мать умерла, когда А.Н. было 9 лет. Остался еще младший брат Михаил.

Отец сначала учился в семинарии, потом стал делать светскую карьеру. И служил, и частной практикой занимался (бумажно-юридической) – прямо как Штольц. Сам старался продвинуться как можно выше, потом сыновей к тому же готовил. Второй брак с точки зрения карьеры был гораздо выгоднее

первого: отец женился на (баронессе) Эмилии Андреевне (фон) Тессин. Ее отец был его непосредственным начальником. Фон Тессин же посоветовал купить землю над Яузой и там строиться (и сам так же поступил). Наш Тессинский переулок связан именно с этой застройкой. Дом Островских был где-то в нашем парке, и жил там именно А.Н. Что стало с детьми от второго брака, мы обычно не уточняем (не пропали, разумеется), но лучше всех отцовские надежды оправдал Михаил Николаевич: он дослужился до министра государственных имуществ. Александр, понятно, разочаровал. И с мачехой не особенно ладил...

Образование братьям давали сначала в Московской губернской гимназии (Первой московской), потом в Московском университете. Отец настоял на юридическом факультете, хотя А.Н. хотел, конечно, на словесный. Но первый год отучился хорошо: шли общеобразовательные (интересные) предметы, читали те самые молодые профессора, учившиеся за границей. Второй курс более специальный, и А.Н. остался там на второй год. Причина (кроме лени и конфликта как раз с молодым профессором римского права Крыловым) – театр, который сделался его страстью еще в старших классах гимназии. «Мы ходили в гимназию и учились в Малом театре», – его чистосердечное признание.

Образование и «карьера»

В книге Лакшина очень любопытные детали и об университетском быте, и о театре. Инспектором, приглядывавшим за студентами, был отставной моряк Платон Степанович Нахимов – брат адмирала. Любимый и уважаемый, в частности, регулировавший отношения студентов с трактиром «Британия», который стоял на Моховой, напротив МГУ. В «Британии» висело расписание лекций; диплом не выдавали, пока студент полностью не рассчитается с заведением, зато Нахимов (как специалист) проверял качество спиртного, которым там поили его подопечных. (Это для отдыха, если замучатся писать).

Актеры Малого театра тех лет – комик Щепкин (Гоголя играл, с Пушкиным был знаком, чуть ли не дружен); трагик Мочалов, считавшийся великим, потрясавший зал. Яркий случай: в одной сцене герой Мочалова видел, как злодей всыпает в вино яд (в зеркале видел) и в ужасе медленно поднимался с кресла. И вместе с ним, как загипнотизированный, вставал весь зал. При этом актеров за людей их начальство и не считало. За собственное достоинство приходилось бороться, жизнь была тяжкая, актеры редко могли похвастаться образованием, часто спивались. Тот же Мочалов впадал в

запой. Когда директор императорских театров, практически всесильный, пришел выяснять, почему тот не играет, Мочалов выгнал его вон мощным трагическим монологом: «Стыдно вам, директор Гедеонов, что вы пришли смотреть на меня не в великую минуту, когда я потрясаю зал, а в то время, когда я в ничтожестве!» Сошло. Гедеонов отступил. Из молодых актеров выделялся Пров Садовский, ставший впоследствии главным исполнителем в пьесах Островского и основателем актерской династии.

Островский и со второго раза не сдал сессию за второй курс, отец забрал его из университета и отправил служить (зарабатывать на хлеб) в очень странное место – Московский совестный суд. Это изобретение Екатерины II: надо, мол, чтоб семейные дела (вроде дележа наследства) разбирали без формальной волокиты, а по совести, как душа скажет. А.Н., будучи там канцелярским служителем, имел возможность убедиться, что душа говорила исключительно то, за что больше платили. Там он служил с 1843 по 1845, часто прогуливал, а если что и записывал подробно, то потрясающие по колоритности речи искателей: в этот суд шли в основном купцы, боявшиеся европейской бюрократии, предпочитавшие по старинке действовать, прямолинейно. Потом служил в Московском коммерческом суде – это дела о злостных банкротах и сюжет первой пьесы. Служба в любом случае много времени не отнимала (с 11 до 3-х – и свободен). С компанией друзей собирал русские песни (в трактире «Волчья долина», где останавливались дальние обозы, даже из Сибири). Вообще интересовался купеческим замоскворецким бытом и русской стариной, фольклором, чистой русской речью. Все это тяготело к славянофильству, и компания стала «молодой редакцией» журнала «Москвитянина» (имена этой компании запоминать не нужно, хотя они очень интересны: Третий Филиппов – как раз певец народных песен, студент-математик Евгений Эдельсон – «рыжая половина моей души», как выразился А.Н. – сам он был безусловным лидером команды). Официальный редактор «Москвитянина» – М. Погодин, немолодой, осторожный историк, уступил им инициативу. Журнал стал ему в тягость, издавался халтурно, на него писали сатирические куплеты:

«Москвитянин» издавался,

Как умеет, сам собой.

Он привык уж! Соберется,

В типографию бредет,

К переплетчику плетется,
После в лавку поползет!
Ждет, пождет его читатель,
Побранит, да и домой.
А почтеннейший издатель,
Впрочем, добрый мой приятель,
Как ни выдал, с рук долой!

М. А. Дмитриев

Журналистика у «молодой редакции», впрочем, получается пока на уровне самодеятельности. А Островский потихоньку начинает писать то, что ему хочется по-настоящему, – пьесы. И кусочками их печатать.

Первые публикации. «Свои люди – сочтемся».

1847 год. Сцены из комедии «Несостоятельный должник» (Ожидание жениха). Напечатал «Московский городской листок», был успех.

«Картины семейного счастья» – тоже отрывки, тоже успех.

Все это связано с первой законченной пьесой Островского «Банкрот» («Свои люди – сочтемся»). Время работы – 1847 – 49; издан в «Москвитянине» в 1850. Смена названия имела цензурную подоплеку: одного «Банкрота» цензура уже запретила, поэтому решили не рисковать. Другая «публикация» – чтение автором в доме кн. Щербатова, в котором жил Погодин. Когда читал Островский, там как раз гостил Гоголь. Он не любил показываться людям, поэтому вошел уже во время чтения, встал в дверях (за спинами) и так простоял все время, не позволил себя усаживать и как-либо мешать чтению. Щепкин там был и подключился, подыграл Островскому «с листа». Гоголю понравилось, а со второго «номера» (Ростопчина, пьеса в стихах «Нелюдимка») он ушел. Авторшу потом утешали: мол, все устали, неудачно получилось, а ее пьеса тонкая, поэтичная.... Думали, ее номер выигрышнее: после какого-то дебютанта. Островский и в других местах читал, потом захотел, чтоб сыграли в театре, – не получилось. Цензура не решилась санкционировать постановку: «Пьеса обидна для русского купечества». Сунулись лично к Николаю I, он прочитал ее в «Москвитянине»

и наложил резолюцию: «Напрасно печатано, играть же запретить...» И на 10 лет пьеса была «зарезана». Цензура театральная была куда суровее издательской: читали все-таки немногие, а в театр ходил и «народ». Тут же рассказываю, что в 1860 году (самое вольное, предреформенное время) постановку разрешили, но все равно со скрипом. Главная претензия: мало того, что нет положительных героев (все отрицательные, как в «Ревизоре»), но и порок в конце не наказан. Велели наказать: выпустить в финале полицейского, который потребует Подхалюзина к ответу (тоже как в «Ревизоре»). Малый театр к тому времени уже много что сыграл Островского и позволял себе иногда наглую «немую сцену»: полицейский выходил, произносил грозный текст, Подхалюзин-Садовский лез в карман, доставал бумажник, совал полицейскому взятку, тот отдавал честь, поворачивал налево кругом и уходил. Поскольку «утвержденный» текст не нарушался, шалость как-то сходила с рук.

Очерк творчества

Первая поставленная пьеса Островского – «Бедная невеста» (1852). Не самая сильная и яркая, довольно «личная» – отзыв на трагедию А. Григорьева, чью «невесту» выдали за богатого, а он с горя женился на ее сестре, но счастья это никому не принесло.

(1) Потом идет «славянофильский» период, когда Островскому («Колумбу Замоскворечья») захотелось показать свое, русское, старинное и купеческое с лучшей – поэтической, душевной точки зрения.

1853 – «Не в свои сани не садись»

«Бедность не порок»

Тут начинает складываться труппа Островского, которой удобнее и приятнее играть это свое, родное, чем переводной классицизм. Кроме П. Садовского, Лакшин выделяет Л. Никулину-Косицкую (Островский познакомился с ней на похоронах Гоголя; это был бурный роман, и многое писалось специально для нее, а Катерина – так с ее слов, когда речь идет про детские сны и выходки), Н. Рыкалову (амплуа старух с юных лет – первая Кабаниха), рано ослепшего С. Васильева (играл «на слух», партнеры помогали – это был Тихон), сестер Бороздиных. Этот молодой и демократический состав однажды померился силами с европейской знаменитостью – Рашелью.

Та приехала на гастроли в Большой театр, а он сгорел. Остался Малый, и Рашель играла своего Расина в очередь с Островским, через день. Боялись, что публика повалит на Рашель и оставит труппу Малого без сборов (играли «Не в свои сани»). Однако публики хватило и на то, и на другое – полный аншлаг.

1855 – «Воспитанница» – и далее:

«Не так живи, как хочется»

«В чужом пиру похмелье»

«Не все коту масленица».

Пословица в названии – уже фирменный знак. Патриотизм этого периода увенчался героической пьесой в стихах «Козьма Минин» (1855). Но тут все изменилось, и Островский тоже резко «полевел».

(2) Далее идет бурный роман с Некрасовским «Современником» (1856 – 1860?).

1856 – «Доходное место» (обязательно рассказываю, причем с упором на молодого человека с его идеалами, которых так ненадолго хватило, – гуманист Островский никого не торопится громить, осуждать, смешивать с грязью). Его за то и полюбили в «Современнике», что зло у него не от личностей исходит, а от порядка вещей.

Островский ездил в экспедицию к верховьям Волги (вплоть до истоков) по заказу Морского министерства (здравая мысль: выяснить, где живут хорошие «речники», умеющие управляться с водой и судами, чтобы набирать во флот не абы кого, а людей подготовленных). Опять купечество, еще более законсервированное в допетровских нравах, чем столичное; многие были старообрядцами и совсем недавно (и неохотно) перешли в «никонианство»: старообрядцев притесняли экономически, а народ-то этот денежки очень любил. Опять «темное царство» во всей красе (огромную – в 300 страниц – статью «Темное царство» Добролюбов написал по случаю публикации собрания уже написанных пьес Островского; он же обратил внимание на словечко «самодур»). Можно тут заметить, что Островского начинает тянуть в родные костромские (берендейские) места, где он в конце концов приобретет усадьбу Щелыково.

1859 – «Гроза». Лакшин отмечает, что Островский писал ее со сломанной ногой, очень мучился от боли, и это в пьесе как-то чувствуется.

Кроме того, обращает внимание на исключительную по тем временам непристойность 3-го действия. Для высшего начальства (императорской фамилии) его чуть изменяли. Особенно ругался старик Щепкин: говорил, что это не искусство, а сплошной соблазн. Если дети начнут выступать, можно сказать, что они не одиноки. Других больше задела политическая подоплека этой пьесы. Цензор Нордстрем прямо высказался: «Кабаниха – это Николай I в юбке». Но пьесу все-таки не запретили – время было такое. Еще рассказывали, что многие из купечества «узнавали» эту историю, плакали, говорили, что и у них в городках такое случалось. Но выяснялось, что случалось уже после того, как Островский со своей сломанной ногой взялся за пьесу.

А потом Островский, вслед за всей «литературой» из «Современника» все же ушел, и «Гроза», как вся наша программа, опубликована была в «Русском вестнике». И писал он дальше в год по пьесе, иногда по две, потому что жил на это. Малый театр стал постепенно «домом Островского». Можно сказать, что в те времена режиссера как такового в театрах не водилось. Труппа играла пьесу в силу своего разума, но кто-нибудь ее все-таки с актерами «проходил»: показывал, что да как. Островский всегда занимался этим сам, и его любили. Кроме того, он сочувствовал актерам, их бесправному положению и нищей старости, и устроил фонд помощи и некоторое общество (вроде профсоюза актерского).

(3) После бурных 60-х у Островского несколько расширился круг тем. Он писал уже не только о купечестве, но и о чиновниках, и об актерам, и о помещиках. Перечислять все его пьесы нет возможности, называю самые яркие:

1868 – «На всякого мудреца довольно простоты»

1870 – «Лес»

1873 – «Снегурочка» (языческий аналог «Грозы», можно дать доклад). Вообще эта поэзия своего, таинственно-исконного, очень его занимала. И ведь писал пьесы в стихах...

1874 – «Волки и овцы»

1879 – «Бесприданница» – любят ее сопоставлять с «Грозой»: 20 лет прошло; купцы изменились, а нравы дикие; две эпохи – две трагедии на Волге.

Если спросят о семье – ближе к концу жизни он женился на молодой и, видимо, честолюбивой красавице. До этого была у него тихая, простая и терпеливая «гражданская жена»; куда делась – неведомо. Может быть, умерла?

Итак, Д/З – простой вариант. Представьте себе, что вы – ученый (европеец, Паганель), попавший в неведомую для вас страну, в незнакомый город. Язык вы, к счастью, знаете, однако вам нужно для своего Географического общества написать отчет о городе Калинове. Что положено помещать, например, в энциклопедию, когда надо описать город?

– Местоположение?

– Население (какими сословиями представлено)? Оседлое или меняется?

– Занятия? (Чем зарабатывают на жизнь)? Благосостояние?

– Власть в городе (реальная и номинальная)?

– Уровень культуры и образования?

– Религия?

– Обычаи? Костюмы? Досуг?

– Науки и искусства?

– Природа и архитектура?

Представить отчет в письменном виде за своей подписью.

Предупреждаю заранее: помещик и купец – это большая разница.